

# К Р О К О Д И Л

№ 37 МОСКВА 30 НОЯБРЯ 1945 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIV ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 20 КОП.



Рис. Кукрыниксы

## СЕКРЕТНОЕ ВОСПИТАНИЕ

- Как вы думаете воспитывать своего малыша?
- В строго закрытом пансионе.



# Б у р н ы е в о л н ы

**З**АДОЛГО до начала радиопередачи с английского стадиона московские болельщики лихорадочно звонят друг другу по телефону:

— На какой волне, Коля?  
— Сам ищу. Хватай короткие!..  
— Есть!..

— Не уходи с коротких. Сейчас начнётся! Болельщики сидят у своих приёмников, глядя в зелёный глазок настройки, как смотрят в глаза любимой в ожидании ответа. Проходят минуты, и из динамиков раздаётся долгожданный, знакомый голос, а потом свисток судьи. И с этого момента сердца любителей футбола начинают биться в темпе игры «Динамо» и «Кардифа».

Полтора часа благородное племя болельщиков бурно переживает перипетии матча. Вокруг игры происходят удивительные события и разговоры, понятные всем, кто на протяжении футбольного сезона кричал, свистел, хватался за плечо соседа, не замечая ливня и зноя, видя только одно — зелёное поле стадиона.

Итак, на коротких волнах передают игру. Внимание!

В учреждении звонит телефон:

— Позовите, пожалуйста, Боброва.

— Боброва?.. Бобров «висит» на воротах! Позвоните позже, товарищи!..

Молодой человек, беспокоясь о здоровье супруги, звонит в родильный дом:

— Говорит Скворцов. Как дела, доктор?

— Всё в порядке, — бодро отвечает доктор, — три уже есть. Один за другим. Сейчас перерыв, а затем будем ждать ещё!

Молодой отец в панике кладёт трубку, ибо он не подозревает о том, что доктор слушает игру «Динамо» — «Кардиф».

За столиком в ресторане одинокий посетитель доедает компот и зовёт официанта:

— Будьте любезны, счёт.

И, розовый от волнения, официант ласково говорит:

— Десять — один!

Десять — один! Это означает, что московские динамовцы выиграли у британского клуба «Кардиф».

И весь вечер и следующий день эта приятная новость на устах у всех.

В первом классе идёт урок арифметики.

— Дима Соколов, — говорит старая учительница, — сосчитай до десяти.

И кроткий Дима Соколов считает:

— Один, два три, перерыв, четыре, пять, шесть, семь восемь, восемь — один, девять — один, десять — один. Конец игры.

А в седьмом классе проходят Лермонтова. И учитель вызывает ученика:

— Кукушкин! Расскажите нам, что вы знаете о «Вадиме».

Кукушкин задумчиво смотрит на учителя и отвечает:

— Когда Вадим ведёт передачу, перед нашими глазами воскресает каждая комбинация...

— Погодите... О каком Вадиме вы говорите?

— О Вадиме Синявском...

В вагоне трамвая, пересекающем Пушкинскую площадь, командированный осведомляется у кондуктора:

— Далеко до «Динамо»?

И кондуктор вдохновенно отвечает:

— До «Динамо» далеко. Особенно «Кардифу»...

Тем временем у супруги гражданина Скворцова рождается прекрасный мальчик. Доктор поздравляет мать и спрашивает:

— Как думаете назвать сына? Всеволодом, Константином, Леонидом, Евгением, Михайлом, Алексеем?..

— Да, пожалуй, Алексеем, — кротко говорит мать, имея в виду папашу своего супруга.

— Правильно! — радуется доктор, — Алексей это вполне заслужил. Не зря его назвали «тигром».

Молодая мать испуганно смотрит на доктора. Откуда ей догадаться, что старый доктор имел в виду динамовского вратаря Алексея Комича!..

Борис ЛАСКИН

## О Т С О Б С Т В Е Н Н О Г О К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Т А



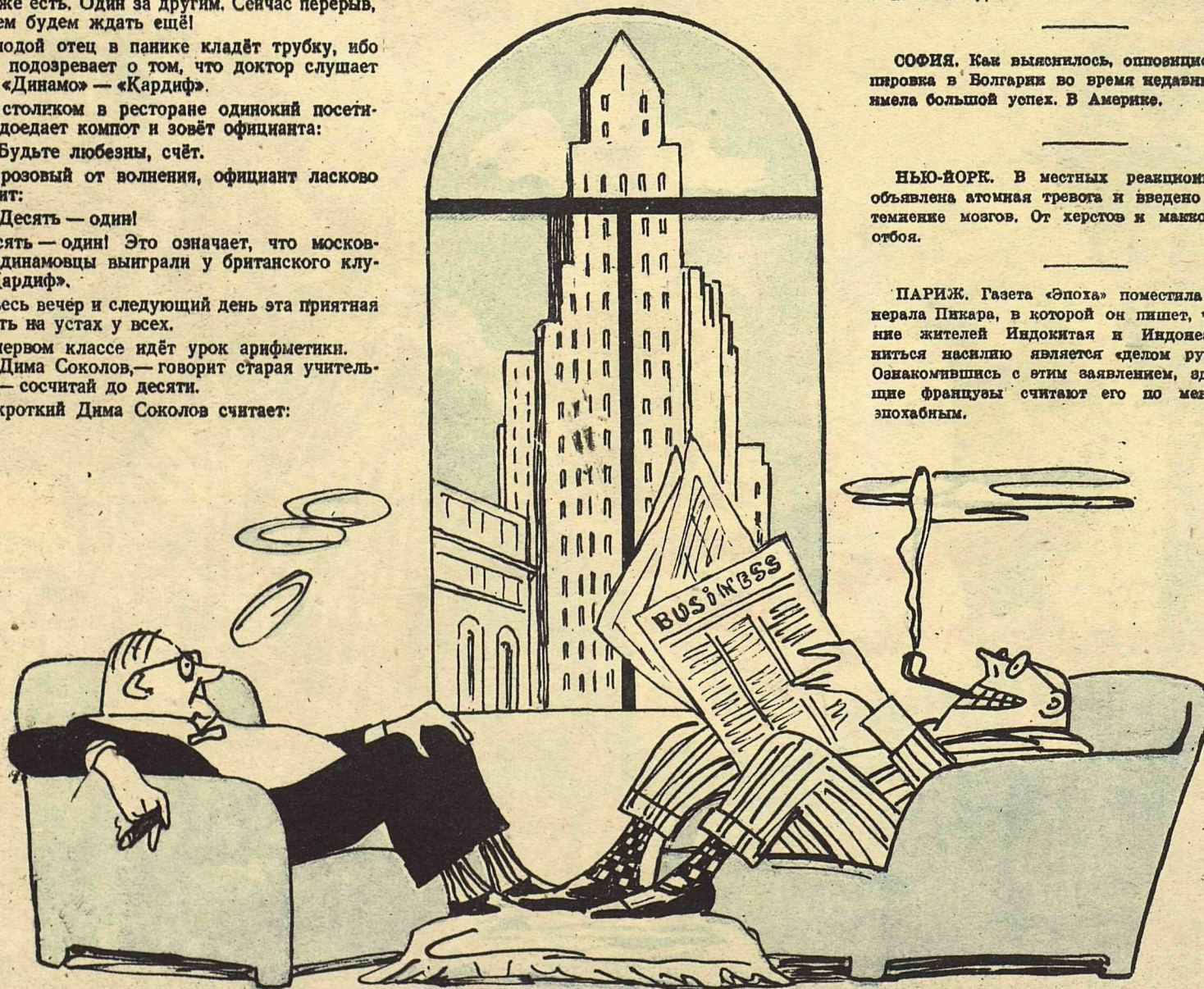
ЛОНДОН. 21 ноября, несмотря на туман, окутавший стадион «Тоттенхэм», было совершенно ясно видно, что в арсенале московского «Динамо» прибавилось ещё 4 мяча, на этот раз забитые в ворота лондонского «Арсенала».

ТОТ СВЕТ. Находящийся здесь Фридрих Барбаросса, узнав из материалов Нюрнбергского процесса о том, что гитлеровский план нападения на Советский Союз шифрованно назывался «планом Барбароссы», вышел из себя. «Уверен, — заявил он, — что авторы этого плана скоро будут здесь, и тогда я им покажу, как пачкать мой имя».

СОФИЯ. Как выяснилось, оппозиционная группировка в Болгарии во время недавних выборов имела большой успех. В Америке.

НЬЮ-ЙОРК. В местных реакционных кругах объявлена атомная тревога и введено полное затемнение мозгов. От херстов и мажормиков нет отбоя.

ПАРИЖ. Газета «Эпока» поместила статью генерала Пикара, в которой он пишет, что нежелание жителей Индокитая и Индонезии подчиниться насильно является «делом рук Москвы». Ознакомившись с этим заявлением, здравомыслящие французы считают его по меньшей мере эпохальным.



— У нас совершенно свободная печать. Я могу кому угодно продать свою газету вместе со всеми сотрудниками.



# Тёмное ДЕЛО

Я, НИЖЕПОДПИСАВШИЙСЯ, взволнован. Меня мучает вопрос: — Ходит ли Георгий Дмитриевич в баню?

Меня терзают сомнения: — Ежели Георгий Дмитриевич ходит в баню, то отпускают ли ему там воду, хотя бы холодную?

Кроме того я хочу знать: — Разрешается ли Георгию Дмитриевичу как жителю города Могилёва дышать на улице и тем самым пользоваться местным, могилёвским воздухом?

Нет, не понапрасну начал я этот маленький рассказ трепетными вопросительными знаками. Нет, не шутки ради сказал я о бане, воде и воздухе.

Потому, что света он уже лишён, Георгий Дмитриевич Шацкий.

Кто-то в городе власть имущий отверз суровые уста и громкогласно изрёк:

— Да не будет света в квартире Шацкого Г. Д.!

И свершилось чудо: не стало света в квартире Шацкого Г. Д.

Вот как это было. Однажды вечером начальник Могилёвского областного управления связи Шацкий Г. Д. вернулся домой и увидел, что его квартира погружена в крошечную тьму. Рядом, по всей улице, во всех домах и квартирах, светло и приятно, а тут...

Как поётся в грустной украинской песне:

У сусіда хата біла,  
У сусіда жінка мила,  
А у мене, сиротинки,  
Нема хати, нема жінки.

У Георгия Дмитриевича есть и хата, есть и жинка. Но на данный отрезок времени оба эти объекта сильно затемнены.

С трудом отыскав во мраке жену, начальник управления связи спросил её:

— Что случилось? Проводка не в порядке?

Из тьмы раздался печальный женский голос:

— Проводка в порядке. Но у кого-то в голове не всё в порядке. И та голова распорядилась выключить у нас свет.

Возможно, что в этот момент Георгий Дмитриевич побледнел или позеленел. Точно сказать нельзя. Темно — ничего не видно.

Опрокинув несколько стульев и зацепившись за комод, Шацкий с трудом добрался до телефона. Позвонил в Энергосбыт:

— За что, товарищи?

Товарищи ответили:

— Мы тут не при чём. Обратитесь к секретарю горкома, к товарищу Морозову.

Возможно, что в этот момент Георгий Дмитриевич развёл руками, недоумённо пожал плечами. Точно сказать нельзя. Темно — ничего не видно.

Опрокинув в темноте ещё несколько стульев, Шацкий выскочил на улицу и понёсся в горком:

— За что, товарищ Морозов, я и моя семья погружены во тьму?

И товарищ Морозов ответил:

— Это я наложил на тебя партийное взыскание.

— За что?

— Твой автотранспорт возит почту, а торф не возит. Вот за это. За торф. Понял?

— Нет, не понял. Не слышал я до сих пор о партвзысканиях такого рода.

— А теперь услышишь. Это я ввёл. Вывезешь пятьдесят тонн торфа — снимем взыскание, дадим электричество...

Во всём этом тёмном деле нас более всего интересует новаторство тов. Морозова. Никто до него не только в Белоруссии, но во всём Союзе не додумался до этого. А он додумался. Сам. Без посторонней помощи.



— Я свой город хорошо знаю! Знаю, где нет заборов, где фонари разбиты, где нет тротуаров!.. Слава богу, не первый год работаю председателем горсовета!

— Заменить Кравчуку выговор прекращением подачи воды.

— Белевичу вместо строгого выговора записать строгое лишение топлива.

Очередь дошла до Шацкого.

— А этому вместо предупреждения вынесем света выключение.

И сидит Шацкий без света, пока не докажет на практической работе, что он изжил свою ошибку.

Поэт сказал:

«Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

А в том же стихотворении есть и такая строчка:

«Да здравствует разум!..»

Вот тогда и скроется тьма везде и всюду, в том числе и в Могилёве, на Юбилейной улице, 22, где проживает Георгий Дмитриевич Шацкий.

Г. РЫКЛИН

## ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Баритон постарел, и в голосе его ослышался уже не металл, а металлический лом.

Жена жалуется на мужа: — Он ежедневно покупает себе бутылку водки со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сегодня купил две: я не знаю, во что это выльется.

Подали салат «весна» из солёных огурцов с сушёными грибами.

Купил в цветочном магазине букет левкоев, через два дня принёс назад: — Требую обменять: завяли.

Один вечно начинающий поэт, известный тем, что смело срифмовал туфли с вафлями, был до седых волос убеждён в том, что женские рифмы — это те, которые придуманы женщинами.

Алексей РЕЗАПКИН





- Уверен, что кандидатуру нашего начальника не отведут.
- Почему?
- Его не выдвинут.

СВЕРХОПТИМИСТ

Сверхоптимист — это тот человек, который женится на своей машинистке, предполагая и в дальнейшем диктовать ей.

ЗАКОННЫЙ СТЫД

— Почему вы всегда подписываете отметки в дневнике вашего сына крестом, как будто бы вы не умеете писать?

— Я не кочу, чтобы учитель думал, что кто-нибудь, умеющий читать и писать, может иметь подобного сына.

ДЕЛЬНЫЙ СОВЕТ

— Я слышал, что ваш сын хочет стать дантистом. Но ведь раньше как будто он собирался быть специалистом по ушным болезням.

— Верно, но я вовремя дал ему дельный совет, сказав, что каждый человек имеет 32 зуба и только 2 уха.

ПОДРУГА ЖИЗНИ

— Ещё одно новое платье! — в отчаянии воскликнула муж. — Ну, скажи намилость, откуда мне брать деньги, чтобы оплачивать всё это мотовство?

— Ну, знаешь что, — обиженно заметила жена, — я не для того выходила за тебя замуж, чтобы давать тебе финансовые советы.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Друзья беседуют о жёнах, о свойствах их характеров и вообще о семейной жизни.

— О, — говорит Браун, — когда мы спорим с женой, последнее слово всегда остаётся за мной.

— Конечно, — усмеваются друзья. — Как же, знаем мы твою храбрость!

— Да, да, — утверждает Браун, — я обычно извиняюсь.

Кирпичом по голове

ДИРЕКТОР завода был выведен из строя кирпичом. До смертоубийства дело, правда, не дошло, но были минуты, когда никто не тешил себя надеждой на благополучный финал этой трагедии. Виновником сего ужасного происшествия надо, пожалуй, считать редактора заводской многотиражки.

В то памятное утро директор завода, человек атлетического телосложения и оптимист по натуре, явился в свой кабинет в самом приподнятом настроении.

Рабочий день директора начался с того, что в кабинет его вошла жизнерадостная девушка-секретарь, которая, как это ни странно, до некоторой степени тоже является виновницей преступления. Очаровательно улыбаясь, она подала директору свежий номер заводской газеты «Индустриальная мысль», и самый проникательный следователь не заподозрил бы милую девушку в коварных замыслах. Возможно, впрочем, что ничего злоумышленного в её намерениях и не было.

Директор бегло просмотрел газетку. В номере, между прочим, сообщалось, что на заводе досрочно закончен капитальный ремонт инструментального цеха и что при этом сэкономлено значительное количество кирпича. Корреспонденция не представляла ничего сенсационного, и директор, естественно, не почувствовал в ней ничего рокового.

Вдруг раздался довольно уверенный стук в дверь, и в кабинет вошёл председатель завкома. Ничего угрожающего его физиономия также не выражала. Он вяло пожал директорскую руку и, указывая на газету, со свойственной ему меланхолией произнёс:

— Поскольку в центре внимания завкома сейчас стоит вопрос о благоустройстве и так далее, есть предложение — занарядить данный кирпич на ремонт печей, так сказать, на реставрацию отопительной системы по жилфонду.

— Ну что же, одобряю, — добродушно ответил директор и энергично записал несколько слов о кирпиче в настольный календарь.

Руководитель общезаводского профдвижения вышел. Вслед за ним направился к двери и директор, но как раз зазвонил один из телефонных аппаратов.

— Слушаю вас, — беззаботным тоном сказал директор. — Да, это я... Подождите, станция, не перебивайте, я говорю с председателем райсовета... Да, да, слушаю... Кирпич? Какой кирпич? Позвольте, у меня есть свои производственные нужды, у меня жилфонд... Да нет же, я сам готов помочь коммунальному строительству, зачем же вы будете так поспешно жаловаться на меня? Впрочем, как хотите!

Взглянув на часы, директор торопливо вышел, но в коридоре встретился с курьершей из райкома партии.

— Извиняюсь, — сказала она, — вам срочный пакет. Вот тут надо расписаться, а вот тут приложить печать.

Пришлось вернуться в кабинет и расписаться, и приложить печать, и вскрыть конверт, и... с горькой досадой вздохнуть.

Вздохнуть пришлось потому, что секретарь райкома писал: «Как сообщается в «Индустриальной мысли», у вас на стройработах сэкономлен стройматериал, который прошу забронировать для достройки вновь строящейся райбиблиотеки».

Тут как раз зазвонил телефон. На сей раз директора любезно поприветствовал заведующий коммунальным отделом. Он вежливо справился о состоянии подсобного хозяйства, снисходительно намекнул на недостатки «в деле организации практического осуществления мероприятий в области благоустройства рабочего посёлка» и совершенно тактично обратился с просьбой: нельзя ли, мол, имеющийся на заводе излишек кирпича использовать на реконструкцию городской бани.

— Сочувствую... Но вряд ли... Боже мой, опять угрозы!.. Ну, хорошо. Я вам потом позвоню.

В это время в кабинет неожиданно вошёл секретарь горкома. — Надоели, понимаете, — продолжал директор, обрадовавшись возможности отвести душу в разговоре с руководителем городской парторганизации, — дался же им этот кирпич!

— Это о каком кирпиче идёт речь? — спросил довольно строго секретарь. — Это с инструментального-то, что ли? Вы этот кирпич не расходуйте — он пойдёт на один объект. Пока.

Секретарь козырнул по-военному и вышел, не заметив, как побледневший директор схватился рукой за сердце. Однако неукротимые физические силы директора помогли ему быстро овладеть собой и снова самоотверженно взяться за телефонную трубку. Надо было, наконец, выяснить, что это за экономия произошла на ремонте в инструментальке. Он поднёс трубку к уху, но не успел назвать нужного номера, как она затрещала, защёлкала, зашипела, потом смолкла и из неё послышался приятнейший баритон председателя горсовета:

— Алло, приветствую! Ну, что нового? Говорят, экономите стройматериальчик? Похвально, похвально! Весьма приятно, тем более что состоялось развёрнутое решение о переоборудовании центрального гаража. Строим, знаете ли, расширяем, реконструируем! Так я прошу этот кирпич... Алло, алло!..

Ответа председатель не дождался. Дело в том, что правая рука директора почему-то беспомощно опустилась и в ней снова, на этот раз весьма возмущённо, затрещала телефонная трубка. Левую же руку директор трепетно протирал к графику с водой, словно умоляя о помощи и помощи. С неимоверным усилием директору удалось глотнуть



воды. Он перевёл дыхание. Чрезвычайным напряжением воли он снова взял себя в руки и начал просматривать срочные бумаги.

Между тем чудесная девушка-секретарь, исполнительная и толковая, успела принять несколько срочных телефонограмм. С очаровательной улыбкой она подала эти телефонограммы директору.

Не обращая внимания на начавшуюся головную боль, директор взглянул на аккуратно исписанные листки, вздрогнул, но сделал над собой почти нечеловеческое усилие и начал читать. Зловеще зашелестела бумага.

Не зная об указаниях первого секретаря горкома относительно объекта, второй секретарь предлагал передать в срочном порядке кирпич райсовету на коммунальное строительство и впредь не допускать, чтобы райсовет жаловался. Заместитель председателя горсовета, не зная, что сам председатель лично реализует развёрнутое решение о переоборудовании центрального гаража, категорически настаивал на передаче кирпича в распоряжение горсовета для реконструкции городской бани. И в заключение кирпич потребовал начальник управления связи, воздвигающий где-то новую трансформаторную будку.

И вот тут-то с директором и произошло нечто совершенно непостижимое. Он стал вдруг неподвижным, сосредоточенным, угнетённым, схватился руками за голову, уставился тусклым взором в «Индустриальную мысль» и задекламиривал, без конца повторяя одно и то же: — «Так вот где таилась погибель моя...»

И в это страшное мгновение в кабинет опять вошла прелестная девушка. Она пришла в ужас, но быстро сообразила, что на директора, вероятно, кто-то совершил покушение и ударил его по голове чем-нибудь вроде кирпича. Девушка осмотрелась. Стёкла в окнах были целые, на полу не было заметно кирпичных осколков, и штукатурка на потолке была нетронутой. Совершенно озадаченная, девушка, будучи безупречно дисциплинированной, всё же нашла нужным доложить, что никакой экономии на инструменталке нет и что остаток кирпича строители уложили и забетонировали перед входом в цех в виде площадки.

Директор неестественно громко расхохотался.

\* \* \*

В тот же день заведующий, он же невропатолог, областной больницы, тщательно исследовав больного, поставил диагноз: депрессивное состояние. Несколько позднее, когда директор, крепкий по натуре и оптимист по характеру, поправился, врач сказал:

— Ничего, это случается. И не только на кирпичной почве. Кстати, вверенная мне больница требует некоторого ремонта. Скажите, пожалуйста, не сможет ли ваше предприятие...

А. ТОЛСТИХИН

## ОДНАЖДЫ...

### СЧАСТЛИВЕЦ

Однажды композитор-пианист Франц Лист согласился аккомпанировать на благотворительном концерте какому-то виолончелисту. Тот играл так дурно, что Лист всячески старался заглушить его промахи своей блестящей игрой.

— Что вы делаете, маэстро! — шепнул ему виолончелист. — Я же сам себя не слышу!

— О, вы единственный счастливый на этом концерте! — так же шопотом ответил Лист.

### ШУТКА ПО ПОВОДУ ШУТКИ

Однажды приятель знаменитого английского писателя Оскара Уайльда, повторявший за ним все его остроты, услышав новую удачную шутку Уайльда, воскликнул:

— Если б вы этого не сказали, я бы это сказал!

— Ну, вы это ещё скажете, и не раз, — ответил Уайльд.

### ДЕЛКА НЕ СОСТОЯЛАСЬ

Однажды один бездарный комик предложил тогда ещё известному юмористу Джерому К. Джерому продать ему за пять фунтов несколько острот, которые комик хотел выдать за свои.

— Эта сделка для нас обоих невыгодна, — ответил Джером: — если у меня увидят пять фунтов, — решат, что я их украл, если от вас услышат хорошую остроту, — поймут, что вы её украли.

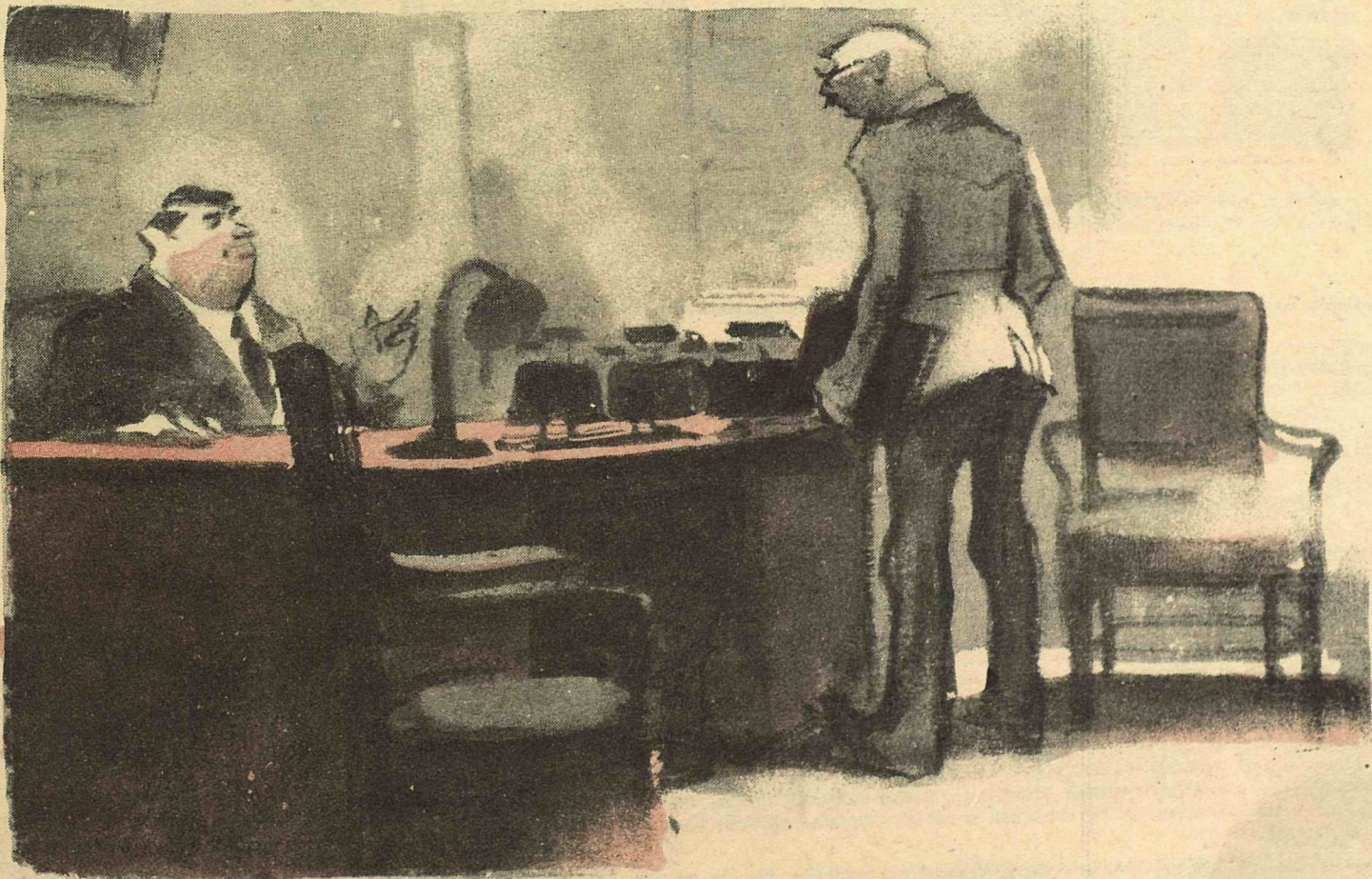
### С УДОВОЛЬСТВИЕМ...

Однажды одна крайне говорливая дама, особенно любившая болтать во время оперных представлений, пригласила Марк Твена в свою ложу на спектакль оперы «Кармен».

— С удовольствием приду, — любезно ответил Марк Твен, — в «Кармен» я вас ещё не слышал.

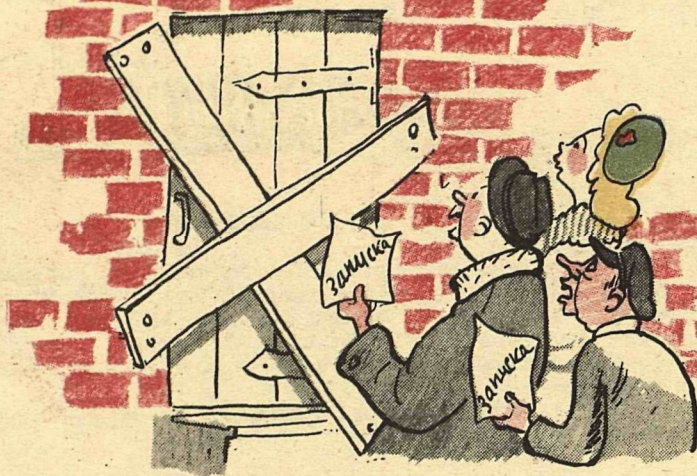
## БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ

Рис. С. Костина



— Этот вопрос вы собирались согласовать с Иваном Петровичем.  
— Совершенно верно. Но прежде чем согласовать с Иваном Петровичем, я хотел бы согласовать с вами, надо ли его согласовывать с Иваном Петровичем.





...И вот однажды они подошли, как всегда, к заветному чёрному ходу, потрясая завмагическими записками... Их ужасу не было предела... Чёрный ход был закрыт.



Давайте п

...Юноша не мог оторваться от нового, только что вышедшего, увлекательного, научно-фантастического романа.



...Любезная дева неожиданно возникла перед жильцом и мелодичным голосом сказала:  
— Я секретарша. Не сможете ли вы принять моего начальника, который пришёл по вашей жалобе проверить отопление?



...Очереди ярко окрашенных обтекаемых троллейбусов весело гудели, стоя в очереди к одинокому пассажиру.

## Оперативный Загребухин

**Н**У, ЧТО скажете хорошенького, товарищ Загребухин? — спросил редактор, подымая доброе, утомлённое лицо от гранок. — Чем порадуете читателя?

Писатель Загребухин скромно опустил на стул, повесил голову и пригорюнился:

— Пришла мне, знаете ли, Павел Антонович, одна мыслишка. Одна, так сказать, идея. Вернее, даже не идея, а целая идея. И так она меня, знаете ли, увлекла, что я буквально сон потерял. Не сплю, не ем. Только об ней всё время и думаю.

— Ну-те-ка, ну-те-ка, это интересно. Выкладывайте.

Писатель Загребухин пригорюнился ещё больше, потупил глаза и, нервно сжимая руки, сказал глухим голосом:

— Мало у нас в прессе уделяют внимания животноводству, Павел Антонович. И плодоводству. Душа, знаете ли, болит. Вот мне и пришла в голову мысль. Не знаю только, как вы посмотрите. Хотелось бы мне съездить в какой-нибудь хороший животноводческий совхоз, в какой-нибудь, знаете ли, такой плодовоощный питомник, да и написать в газету подвал, другой. Как вы на это смотрите?

— Это — именно то, что нам надо! — воскликнул редактор, и глаза его засияли. — Это — именно то, чего мы жаждем. Поезжайте, голубчик. Как можно скорее. Мы вам будем очень, очень благодарны. Только не отвлекёт ли это вас от больших творческих замыслов? От широких полотен, от эпопей, от трилогий?

— Эх, Павел Антонович, Павел Антонович! — с горечью сказал Загребухин. — Пускай эпопеи другие пишут. Не до эпопей мне, Павел Антонович. Такое у нас время, чтобы над эпопеями да трилогиями потеть. Писатель должен быть на уровне эпохи. Надо писать быстро, остро, оперативно. Главным образом оперативно. Злободневно, так сказать.

— Верно, товарищ Загребухин. Правильно. Золотой вы у меня человек. Езжайте. Посмотрите. Изучите. Напишите.

— Слушаюсь! — бодро воскликнул Загребухин. — Напишу, изучу. Смотрите. Съезжу.

\* \* \*

Через неделю читатель прочёл большую статью Загребухина:

«Подъезжаем к воротам животноводческого совхоза «Новый мир». Встречаем. Нам выходит директор Синюхин. Это могучий, волевой человек в синей косоворотке. Он радушно показывает нам коров и свиней. Хорошие коровы. Превосходные свиньи. Садимся за стол. Дружеская беседа вертится вокруг коров. Вертится вокруг свиней. Особенно вокруг поросят. Недолгий летний день кончен. Пора уезжать. С большой неохотой мы расстаёмся с варщиком Синюхиным. Бросаем последний прощальный взгляд на превосходных коров и выдающихся свиней. Но, увы! Надо ехать. Надо ещё посетить плодовоощный питомник «Красный мак». Выезжаем за ворота. Едем. Мягкие золотые лучи солнца весело освещают...»

И читатель думает:

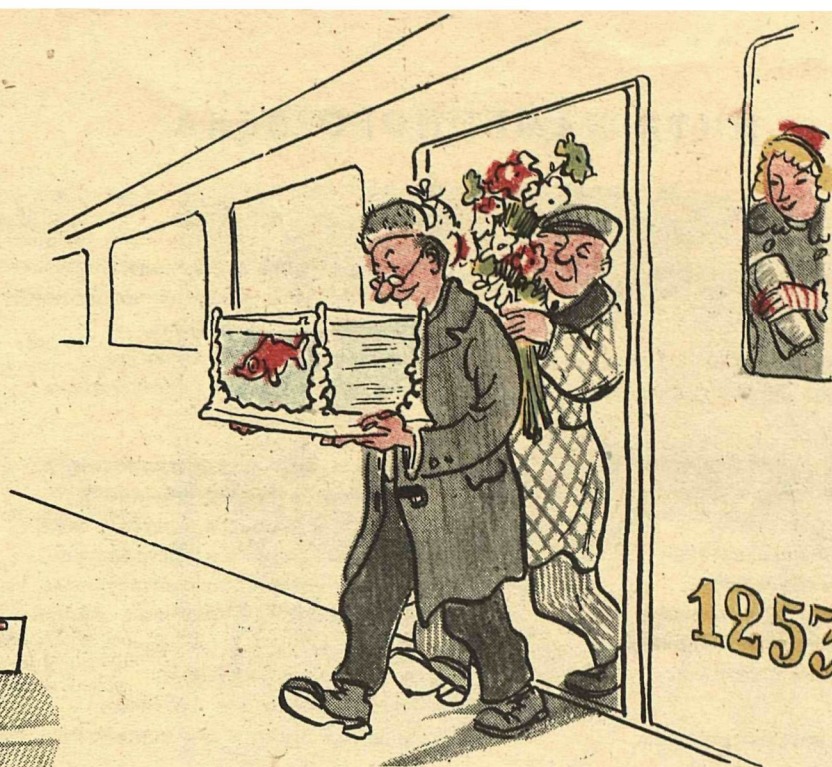
«Ишь ведь какой человек этот Загребухин! Тонкий. Наблюдательный. Всё-то он заметил. Всё-то он описал. И как, дескать, подъезжаем. И как, дескать, уезжаем. И как, дескать, коровы и как, дескать, свинки! Ничего от него не укрылось. Одно слово — писатель! Гений!»





...В просторном, тихом и уютном вагоне трамвая прекрасные юноши, стоя, улыбаясь счастливым старцам и взволнованным женщинам, которым они только что любезно освободили места.

...мечтаем...



...И было это в подземелье на станции Площадь Свердлова в часы пик.



...Как птица, выпорхнула она из клетки своей кассы и устремилась вслед за покупателем. Её голос звучал призывно: — Гражданин! Вы забыли сдачу!..

...Потерянные и взволнованные, предвкушая наслаждение новизны и безудержное веселье, они стояли перед этой оригинальной афишей.

\* \* \*

А Загребухин тем временем гуляет по своей дачке с гостями и показывает хозяйство:

— Вот это у меня поросята.  
 — Выдающиеся поросята!  
 — А вот это у меня молодые мичуринские яблоньки.  
 — Выдающиеся яблоньки!  
 — Да уж чего говорить, — скромно опускает глаза Загребухин, — поросятки что надо. И яблоньки что надо. Плохих не держим.  
 — И дорого изволили платить? Небось, такой поросёночек тысячи две тянет, если не больше.  
 — Ровно шесть, — говорит Загребухин.  
 — Тысяч?  
 — Нет, что вы. Рублей.  
 — Шесть рублей?  
 — Да. Шесть рублей. С копейками. По государственной цене.  
 И нежная улыбка блуждает на пухлых губах Загребухина. Нежная и загадочная.  
 Гости молитвенно складывают руки. И думают завистливо:  
 «Ну же и человек этот Загребухин! В полном смысле слова — гений».  
 А Загребухин идёт дальше по своим владениям и показывает:  
 — Вот это у меня погреб. А это коровник. Погреб немножко завалился. Надо бы немного цемента.

— Цемент теперь кусается. Не достанешь. Да и с транспортом... Загребухин загадочно шурится на солнце и тяжело вздыхает:  
 — Да. С цементом, конечно, туго. С транспортом тоже не того... Ну, да ничего... Как-нибудь съедем.

\* \* \*

И через две недели читатель читает новую большую статью Загребухина: «Вряд ли кто-нибудь из моих читателей представляет себе, сколько громадного политического, социального и морально-логического смысла заложено в простом, скучном слове «цемент». И, однако, «цемент» — это целая поэма. Начнём с его производства. Подъезжаем к воротам энского цементного завода. Въезжаем. Навстречу нам выходит директор Жмуркин. Это могучий, волевой человек в люстриновом пиджаке. Он радушно показывает нам своё производство. С восхищением смотрим на мешки с цементом. Садимся за стол. Дружеская беседа вертится вокруг цемента. Пора уезжать. С большой неохотой расстаёмся с товарищем Жмуркиным. Бросаем последний взгляд на чудесный цементный завод. Но, увы! Надо ехать. Впереди ещё детская пошивочная мастерская, мясокомбинат, ликёрно-водочный завод, дровяной склад, питомник чернобурых лисиц...»

\* \* \*

Не нарадуется редактор на своего выдающегося сотрудника Загребухина: — Вот это человек! Вот это гражданин! Вот это писатель! Горячий, отзывчивый, оперативный. Другие писатели копаются в какой-то психологии, пишут романы, новеллы, эпопеи и прочее такое. А мой орёл Загребухин не таков. Мой орёл Загребухин знает, что жизнь не терпит, чтоб от неё отставали. Загребухин мчится впереди жизни. Молодец Загребухин. Настоящий гений!

\* \* \*

И когда знакомые Загребухина открывают газету и читают очередной подвал Загребухина, который начинается словами: «Мало кто знает, сколько поэзии в производстве толя...», — то они уже догадываются, что на коровнике Загребухина прохудилась крыша.

Валентия КАТАЕВ



# ДИТЯ КАМЕННОГО ВЕКА

(Из первобытной лирики)

Когда я был питекантропосом<sup>1</sup>  
(А я им был наверняка),  
Я в те далёкие века  
Не мог блеснуть изящным опусом —  
Ведь я же был питекантропосом.

Должно быть, я сидел на веточке,  
Держа ногою спелый плод,  
И, старости моей оплот,  
Вокруг меня играли деточки  
В доисторические прятки,  
В лапту и в пращуря лошадки,  
Сажали бронтозавра в клеточку,  
А я им улыбался с веточки.

Когда я был питекантропосом  
(Я в это верю, как в себя),  
Еду и логово любя,  
Земным не увлекался глобусом —  
Ведь я же был питекантропосом.  
Должно быть, мясо ел ногами я,  
А рыбу кремневым ножом,  
Сырым закусывал ужом,  
И предавался полигамии,

А рядом дети хулиганили.  
Должно быть, я любил посплетничать,  
Питекантропиху ругнуть,  
На танцах слабого толкнуть  
И с динозаврихой кокетничать.

Когда я был питекантропосом,  
(Что был, я твёрдо убеждён),  
Пленял я модным платьем жён,  
Хоть был неряха и растрёпа сам...  
Ведь я же был питекантропосом.  
Должно быть, с ласковой миною  
В лесу я слушал соловья,  
А если он сбивался, я  
Глушил пернатого дубинкою,  
Знакомя птицу с дисциплиною.

Когда я был питекантропосом  
Я очень многое любил.  
Когда я был питекантропосом,  
А, впрочем, кончим с этим опусом —  
Никто ж не знает, кем я был!

М. СЛОБОДСКОЙ

# ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ, ЧТО...

В каждом воскресном номере редактор восточно-казахстанской газеты «Большевик Алтая» пристаёт к читателям с одними и теми же вопросами: «Известно ли вам?» или «А знаете ли вы?»

Известно ли вам, что...

«...комнатная муха в 20 дней становится взрослой и откладывает 120 яиц».

А знаете ли вы, что...

«...если муха положит яички 15 апреля, то 5 мая мы будем иметь потомство в 120 мух».

Измерив по всем правилам точных наук различные и потенциальные возможности мухи-самки, газета пришла к выводу, что к 1 сентября

«мы будем иметь уже не 120, а ровно 385 923 200 000 000 мух (потомство только одной самки)».

— Какой ужас! — восклицает потрясённый читатель. — Зачем нам разводить такое сонмище мух?

Редактору же, разумеется, нет дела до читателя. Астрономическая цифра окончательно взбудоражила его воображение. Об этом свидетельствует финальное рассуждение о мухе:

«Примем длину мухи в 5 миллиметров и поставим всю эту массу друг за другом в одну линию. Тогда эта линия составит 1 779 616 000 километров, в 10 раз больше, нежели расстояние от Земли до Солнца».

Читатель, конечно, не против изучения вопросов, которые чему-либо учат. Но чему учат эти упражнения в делании слонов из мух?

Известно ли вам и знаете ли вы, что всё это называется переливанием из пустого в порожнее?

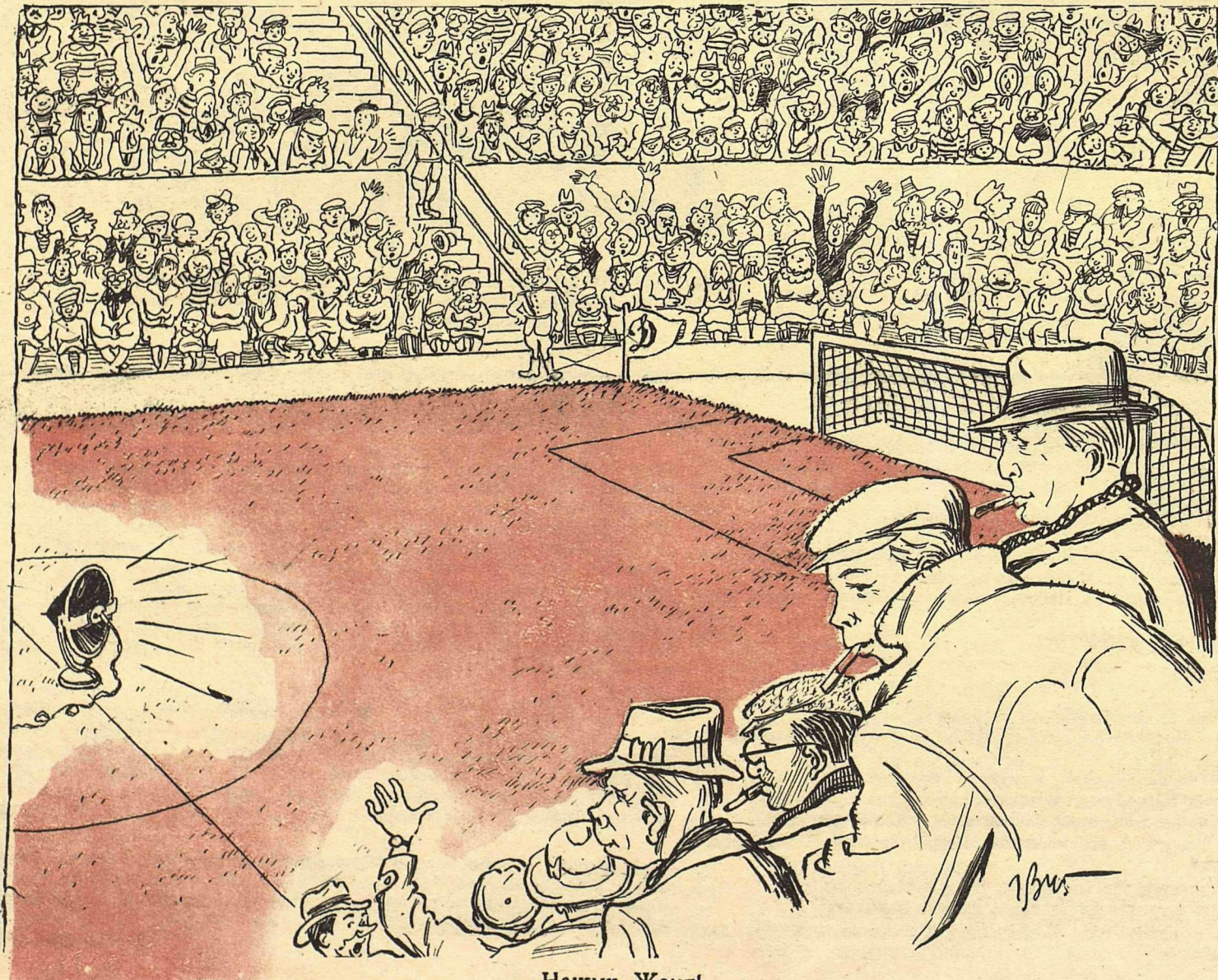
А. КОСТИН

<sup>1</sup> Питекантропос — первобытный человек.

# ЗАОЧНОЕ БОЛЕНИЕ

(НА СТАДИОНЕ «ДИНАМО» В МОСКВЕ В ДНИ МАТЧЕЙ В ЛОНДОНЕ)

Рис. Г. Валька.



— Нажми, Женя!..



# Условный рефлекс

Некто Кондраков В. А. служил диктором в одной радиоорганизации. Он не без удовольствия читал, адресуясь в пузатенький алюминиевый микрофон, различные сообщения по печатному тексту. Но больше всего Кондракову нравилось комментировать по радио спортивные состязания.

Бывало так: Кондраков, сжимая кулаки, кричал:

— Чемпион Казани Хайнадулин явно идёт на сближение! Ряд коротких ударов, которыми он напращивает своего противника, приводит таганрогского тяжеловеса в смятение... Раз!.. Хайнадулин классическим аперкетом нокаутировал Северюка...

Или:

— ...теперь уже видно: на бровку вышла гнедая дочь «Бурана» «Долька». Жёлтый камзол её наездника Фомичёва мелькает впереди. Но вот вороной «Кавас» догоняет «Дольку». Между ними теперь прощел не больше чем в три корпуса...

И вдруг всё кончилось: Кондраков ушёл со службы на радио. Причина? На собраниях об этом принято говорить так: не сработался с руководством.

Кондраков, разумеется, желал получить работу по своей специальности. И он обрёл такую: поступил на радиоузел большого вокзала. Конечно, наш диктор очень скучал на новом месте. Что, собственно, надо было вещать на вокзале?

— В девятнадцать часов двадцать две минуты с третьего пути поезд со всеми остановками пойдёт до станции...

— Всем носильщикам предлагается явиться к дежурному по вокзалу...

Кондраков скучал, изо дня в день часами проговаривая эти и этому подобные фразы в маленькой комнатке второго этажа, где помещался вокзальный радиоузел. Он скоро заучил наизусть нехитрый текст железнодорожных объявлений и отбарабанивал их, глядя в запylённое окно на высокие дощатые перроны, уходившие далеко-далеко вдоль ровных двойных ниточек путей. Он стал часто зевать во время передач, и эти зевки отзывались в чёрных раструбах громкоговорителей на платформах чем-то вроде отдалённого львиного рыка или порывов бури.

И вот однажды, сообщая пассажирам о том, что началась посадка на поезд дальнего следования с пятой платформы, Кондраков привычно лениво поглядел в окно. На платформе вдоль вытянувшегося чуть ли не на полкилометра поездного состава происходило то, что официально называется «плохо организованной посадкой»: люди рвались в вагоны через двери и даже окна, толкая и сталкивая друг друга; поездная бригада и немногочисленный наряд милиции изнемогли в борьбе с буйствовавшими обладателями плацкартных и бесплацкартных мест.

Кондраков раскрыл было рот для очередного зевка, но почему-то не выдохнул причитающейся на данный зевок порции углекислоты, а некоторое время держал рот в отверстом состоянии и затем захлопнул его с неожиданной поспешностью. Голосом, в котором зазвучала живость былых дней, диктор вдруг сказал:

— Борьба на пятой платформе в разгаре. Вы слышите этот шум? Он означает, что команда пассажиров мощным напором смела хавбеков милиции и теперь пробилась к воротам... то бишь к дверям вагонов. Напрасно бригада поездных голкиперов пытается защищать свои проходы. Хлоп! Проводник четвёртого вагона лежит на земле, а неизвестный пассажир в камзоле хаки и таких же галифе забил четыре своих корзины на площадку этого вагона... Ага!.. На подмогу атакующим бежит добрых полсотни новых пассажиров. Впереди на четыре корпуса идёт гражданка в вороном... то есть в чёрном, пальто. Она заняла бровку и легко обходит дежурного по станции (коричневый китель, картуз красный). У пятого вагона неизвестный в среднем весе налетел на кондуктора в весе петуха, но в свою очередь получил поражение от двух проводников, которые удачно применили двойной нельсон с переводом в партер.

Если бы Кондраков оторвал свой взор от пятой платформы, он бы увидел, что под каждым рупором на всей территории вокзала собрались люди, которые слушали его спорткомментарии с оживлением, смехом и даже аплодисментами.

— Вот это да! — веселились пассажиры, носильщики и даже кое-кто из железнодорожных работников. — Вот это даёт!

— Братцы, я по этой дороге двадцать лет ездю, сроду ничего подобного не слышал!

— Ловко он их честит! Почтище стенгазеты выходит!

— Какая тут стенгазета! Работа почти прокурорская!

— Я теперь каждый день буду слушать здешнее радио: как из цирка передают, ей-богу!..

А Кондраков продолжал:

— ...победа решительно на стороне пассажиров. Они забили все вагоны доотказу узлами, чемоданами и другим багажом. Обслуживающему персоналу отыграть уже невозможно, так как до конца...

Чья-то рука рванула Кондракова за плечо. Он повернул голову и увидел начальника вокзала.

— Выключите! — прошипел начальник.

Красная тулья фуражки трепетала от ярости её обладателя.

Кондраков со вздохом послушно нажал пальцем на рычажок. Репродукторы все вместе замерли.

— Виноват, товарищ начальник. Полностью признаю свою вину. Но позволю себе вопрос: это к чему же так организовывать посадку, чтобы она похожа была на футбол, на бокс, на бега?

В. АРДОВ

# ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

Рис. К. Елисеева



- Пропустите меня, пожалуйста, в зрительный зал.
- Хорошо, проходите, но только тихо.
- А что, разве все уже заснули?

## В ПРИЕМНОЙ

В приёмной ждут двое посетителей. Начальник ещё не приехал. Секретарша куда-то вышла. Посетители коротают время, рассказывая друг другу о своих болезнях. На секретарском столе звонит телефон. Один из посетителей снимает трубку, слушает и отвечает:

— Иванова здесь нет.

Второй говорит ему:

— Почему вы не спросили, кто это был? Может быть, звонил сам начальник и мы бы узнали, когда он приедет.

— Нет, это звонил не начальник.

— Почему вы так думаете? Вы знаете его голос?

— Нет, я ни разу не разговаривал с ним. Но человек, который сюда звонил, сказал мне: «Пожалуйста, попросите к телефону Иванова». Начальники так не говорят. Начальник сказал бы: «А ну-ка дайте мне сюда Иванова!»

— Да, вы правы, — согласился второй посетитель, и оба они вернулись к прерванной теме о застарелом ревматизме.

А. ЭР—И.



# С Е К Р Е Т

Вся деревня знает парня Гришку,  
Парня Гришку вся деревня знает.  
Он встречает как-то раз Аришку,  
Он Аришку как-то раз встречает.

И с Аришкой Гришка речь заводит,  
И заводит речь с Аришкой Гришка.  
Только слов парнишка не находит,  
Не находит только слов парнишка.

И про то болтает и про это,  
И про это и про то болтает.

Но не открывает ей секрета,  
Но секрета ей не открывает.

Это очень даже bestолково,  
Bestолково очень даже это:  
Ведь секрета нету никакого,  
Никакого нету ведь секрета.

Вся деревня знает о секрете,  
О секрете вся деревня знает,  
Ведь о нём болтают даже дети,  
Даже дети ведь о нём болтают.

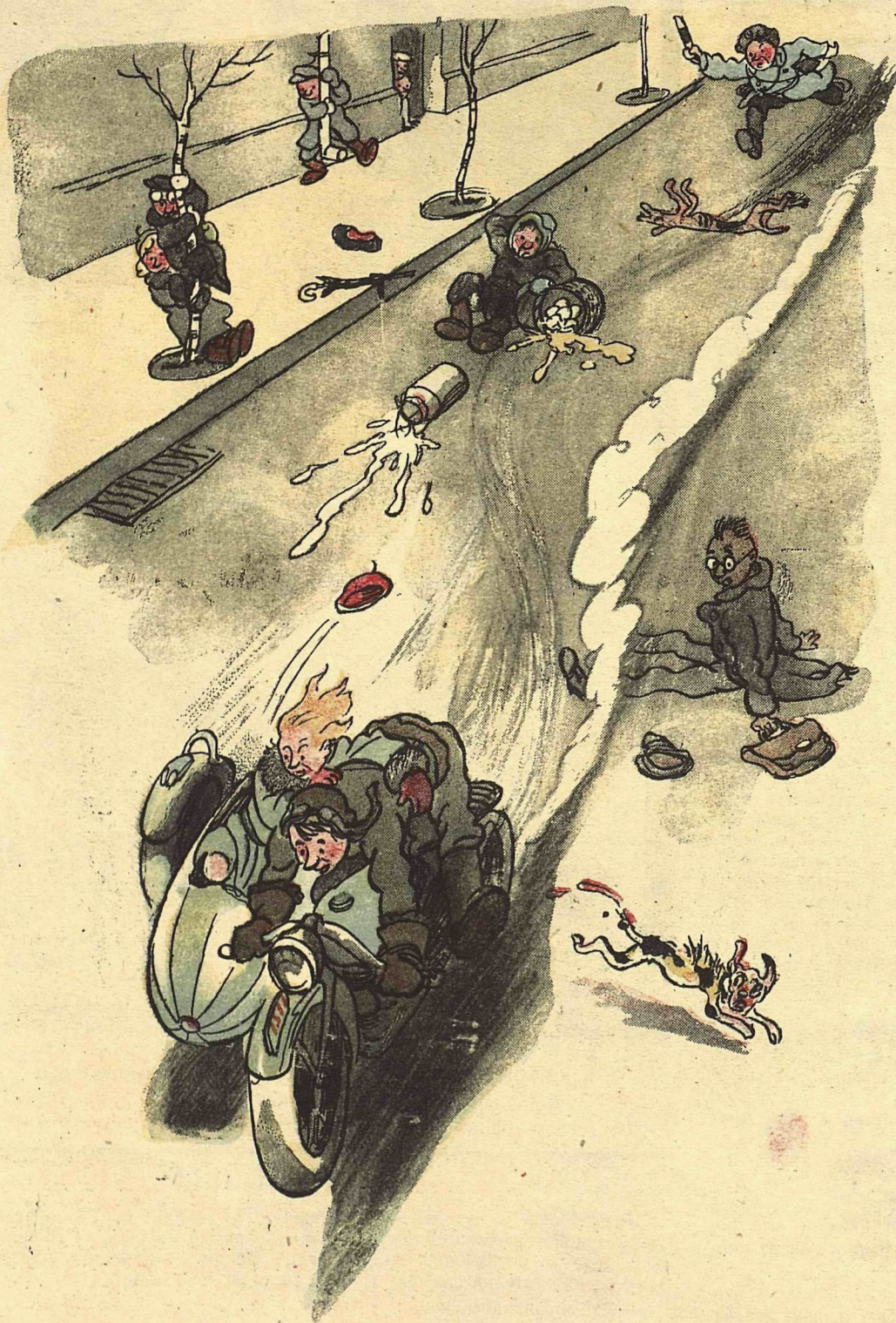
Лишь Аришка ничего не знает  
Ничего не знает лишь Аришка:  
Просто ходит Гришка и страдает,  
Ходит просто и страдает Гришка.

И про то болтает и про это,  
И про это и про то болтает,  
А не открывает ей секрета,  
А секрета ей не открывает.

Вл. МАСС, Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

## ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО

Рис. И. Семёнова



— Тише, Ваня! Я первый раз еду на мотоцикле!..  
— Не волнуйся! Я — тоже.

## Мои встречи

Под таким названием готовит свои мемуары писатель П. А. Зефирюв. Ниже мы публикуем две главы из будущей книги писателя.

### 1. ЧАПЛИН И Я

Мне выпала честь близко познакомиться с Чарли Чаплином. Я хочу поделиться своими впечатлениями о встрече с этим корифеем мировой кинематографии.

То было, если память мне не изменяет, в 3 часа 46 минут 27 июля 1945 года. Я находился тогда в подмосковном доме отдыха. Стоял погожий день, когда трудно усидеть за писательским столом. Знойное солнце влекло на воздух, к обрмлённой вётрами речке.

На берегу сидел местный агроном.

Помолчали. Потом он спросил меня:

— Не посетите ли вы мою келью?

Я охотно согласился. Агроном оказался культурным собеседником. Он угостил меня скромным, но со вкусом приготовленным обедом. После обеда мы снова помолчали и отправились в клуб, где в этот вечер был организован поход работников совхоза.

Мы пришли туда в ту минуту, когда закончилась художественная самодеятельность. Погасили свет, и на экране появился Чаплин.

Трудно передать моё состояние. Наконец-то так близко увидел этого изумительного мастера! И тут же в голове моей созрело решение написать об этом незабываемом вечере воспоминания, а затем выступить с публичной лекцией о моей встрече с Чаплином. Новеллой «Чаплин и я» я выполняю первую часть своего решения. Серию лекций я прочитаю по возвращении домой.

### 2. Я И ВОЛЬТЕР

Это было в Ялте. Готовясь к большому роману, я проводил здесь свой отдых. Море, любимое Чёрное море, влекло меня, и я часами просиживал на его берегу, любясь морской гладью и мелькавшими над ней чайками.

В один из таких дней ко мне подошёл незнакомый старик высокого роста в демисезонном пальто. По авоське, которую он держал в левой руке, я писательским чутьём сразу определил, что передо мной постоянный житель Ялты и что он возвращается с рынка.

Так оно и оказалось. Старик подсел ко мне, и мы вместе долго молчали.

— Не посетите ли вы мою келью? — неожиданно обратился ко мне мой новый знакомый.

Любопытство победило сомнения, и я охотно согласился. Старик оказался обаятельным, начитанным собеседником. В его библиотечном шкафу, рядом с Толстым, я нашёл мою последнюю книжку, изданную 17 лет назад. Это расстроило меня.

После вкусного обеда нам подали кофе.

— Садитесь в это кресло, — предложил мне хозяин. — Учтите, что оно вольтеровское.

Волнение охватило меня. Судьба привела меня в домик, где сохранилась такая редкая реликвия. Итак, я сидел в кресле, принадлежавшем некогда прославленному философу.

От избытка чувств я не в состоянии был произнести ни слова. Но, придя в себя, я твёрдо решил написать мемуары о первом знакомстве с знаменитым Вольтером. По возвращении домой я выступил с серией лекций перед общественностью, чтобы и ей передались те неповторимые ощущения, которые я испытал, сидя с чашкой кофе в вольтеровском кресле.

Рукопись доставил в редакцию  
И. ВЕРХОВЦЕВ



КОМПЛИМЕНТ

Рис. И. Семёнова



— Мой муж говорит, что у меня до того тонкий ум, что его совсем незаметно.

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

Рис. В. Фридкина



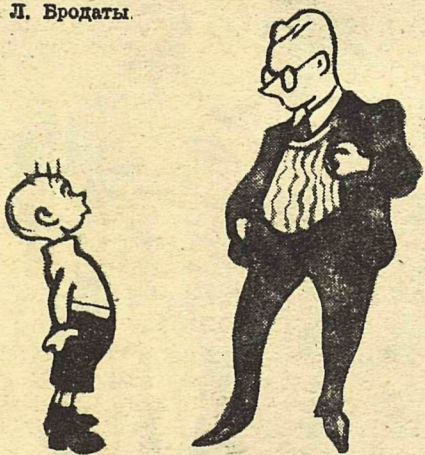
— Давай дадим друг другу в руки...



...И в дальний путь на долгие года.

ФРУКТ

Рис. Л. Вродаты



— Какое лучшее время для сбора яблок?  
— Когда собака привязана.

ТОЧНОЕ ГАДАНИЕ

Рис. Ю. Гацфа



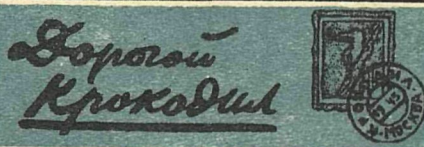
— По линиям руки я узнаю характер человека.  
— А ну, взгляните, какой у меня характер?  
— Вы не любите мыть руки.

УЧАСТНИКА

Рис. К. Елисеева



— С вас за удаление зуба сто рублей.  
— Сто?! А вы говорили безболезненно.



(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Новоржевском районе им предоставлено благоустроенное помещение кинотеатра.

Таким образом, местные власти могут с полным основанием утверждать, что создали скоту не только светлую и тёплую, но и вполне культурную зимовку.

И. РОЗЕНФАРБ

Псков.

Уважаемый Крокодил!

Опыт Тихорецкого горсовета по восстановлению зданий достоин самой широкой огласки. Вот хотя бы дом № 3 по Гражданской улице. Долго стоял бы он, по всей вероятности, разрушенным, если бы мудрый горсовет не догадался переселить в него железнодорожную школу № 37 из восстановленного в своё время самой же школой здания по той же, Гражданской улице.

Немало потрудились учителя, школьники, родители и вторично отремонтировали предоставленное помещение. Очень понравилось это горсовету, и он в третий раз выселил школу в следующее разрушенное здание.

Так, глядишь, с помощью школы № 37 гор-

совет постепенно приведёт в полный порядок все здания в Тихорецке.

М. СИДОРОВ.

Ростов на Дону.

Дорогой Крокодил!

Нигде кроме, как в Мичуринском горсовете, не умеют строго по-деловому подходить ко всевозможным вопросам.

Возьмём, к примеру, заседание горсовета, посвящённое вопросу о невыполнении торговыми организациями города плана кассового сбора.

Председатель горсовета Молоканов ещё до начала заседания твёрдо знал, что собравшиеся торговые работники во что бы то ни стало ликвидируют недопустимое упущение. Причём не прибегал ни к уговорам, ни к убеждениям. Он просто-напросто приказал начальнику милиции приготовить для торговых работников две камеры.

Вот и всё. Просто, оригинально, а главное, убедительно.

Майор СЛЮСАРЕВ

Воронеж.

Дорогой Крокодил!

Говорят, на вкус и на цвет товарища нет. На мою беду, такой товарищ оказался налицо. Фамилия его Зайцев, занимает он в Ельце пост заместителя председателя горисполкома. Оному товарищу пришлось по вкусу две мои комнаты, после чего моя квартира была взломана, а вещи перевезены на окраину, где мне отвели угол в кухне.

За меня, жену погибшего в борьбе с гитлеровцами война, заступился (хотя и безуспешно) местный прокурор. Но что будет, если руководителем горисполкома придётся по вкусу квартира самого прокурора? Кто выступит на защиту его интересов? Вот вопрос, который волнует елецкую общественность.

Н. МЕЗИНА

Елец, Орловской области.

Дорогой Крокодил!

Роскошная жизнь создана рогатому скоту в г. Новоржеве, Псковской области. В то время как в других районах коровы телятся в обыкновенных вульгарных хлевах, в

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, И. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 793 Подп. к печати 28/ХІ 1945 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 23062. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2464. Тираж 123.000.



ВСЕСОЮЗНАЯ  
КРИТИЧЕСКАЯ ПАЛАТА  
ОБЯЗ. ЭНЗ.  
1945 г.

Рис. Ю. Ганфа



— Томми, вы же постоянный правый край «Арсенала». Почему вы стоите за воротами?  
 — Потому, что на поле сегодня приглашённые светила.

Ю. ГАНФОВ 1945